

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
К-9, ул. Горького, д. 5/6 Телефон 208-81-63

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ

г. Рига

6 МАЯ 1978

Дневник искусств

Концерты Святослава Рихтера

Один знакомый профессор как-то заметил, что если Святослав Рихтер решит вдруг в течение всего вечера исполнять лишь гамму до-мажор, о чем предварительно будет сообщено в афишах, зал все равно заполнят заинтригованные слушатели. В этой шутке немалая доля истины.

Дело не только в признании легендарной популярности артистической личности Рихтера. Этим подмечены и важные особенности его таланта: умение быть интересным и глубоко содержательным всегда и во всем, даже при прочтении самого неприятного и скромного по изложению музыкального материала. Мы знаем также поистине гипнотическое воздействие пианиста на аудиторию, к сожалению, скрадывающееся в звукозаписях. Велика сила духовного излучения этого артиста, магия его музыкантской личности, властно подчиняющая себе посетителей концертов, как неискушенных любителей, так и профессионалов!

Через десять с лишним лет после предыдущих гастролей в Латвии народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда Святослав Рихтер вновь выступал в Риге. В последних числах апреля он провел четыре концерта, вызвавшие огромный интерес. Три из них состоялись в филармонии, а четвертый, в ансамбле с молодым скрипачом Олегом Каганом, в свой свободный день мастер провел в недавно выстроенном уютном зале Юрмалской музыкальной школы. Это его выступление в основном адресовалось музыкантской смене нашей республики, а послушать Рихтера, естественно, мечтал каждый, кто посвятил себя этой профессии.

Во всех четырех концертах Рихтер руководствовался монографическим принципом подбора репертуара, напомнив нам о своей старой антипатии к пестроте программ. Посвященные одному композитору (И.-С. Баху, Шуберту, Хиндемиту), эти концерты давали слушателям возможность сосредоточить внимание на восприятии особенностей звукового мира каждого представленного автора. Более пристально мы могли «вглядываться» и в рихтеровское понимание стилистических закономерностей, присущих его музыке.

Две из трех рижских программ (Бах, Хиндемит) особенно характерны для деятельности пианиста в последние годы. Его тяга к ансамблевому исполнительству известна давно. Даже по записям на пластинках можно догадаться о любви Рихтера к этой форме музицирования, где его партнерами выступали скрипач Д. Ойстрах, певцы Н. Дорлиак, Э. Фишер-Дискау, пианист А. Ведерников.

На нынешнем этапе эта область репертуара еще активнее стала манить к себе артиста. В числе его постоянных коллег мы видим Камерный ансамбль Московской консерватории (дирижер Ю. Николаевский) и лауреата международных

конкурсов Олега Кагана, которые на сей раз вместе с Рихтером приехали к нам на гастроль. В концертах участвовали также флейтисты Марина Ворожцова и Константин Михайлов.

В давний спор — как играть сегодня Баха: пользуясь преимуществами современного рояля или же на клавишине, ныне переживающем возрождение? — Рихтер вносит несколько непривычное и пусть в чем-то спорное решение компромиссного характера. Верхняя крышка рояля остается фактически закрытой, под нее подложен лишь спичечный коробок. Звучность приглушена. Ее оттенок более матовый, чем в условиях полностью открытого инструмента. К тому же из двух отличных роялей фирмы «Steinway», имеющих в Латвийской филармонии, избран более тусклый по звуку.

Признаюсь, к такой не совсем обычной гамме красок, подчеркнутой и обильным использованием левой педали, слушателю нужно было некоторое время привыкать, приспосабливаться. Требовалось даже определенное желание идти навстречу замыслу артиста. Амплитуда звучания невелика: ее верхний (громкий) уровень занижен. Но при этом — сколько разнообразных красок! Употребляются они, однако, чрезвычайно рачительно, на широко развернутых во времени пластах музыкального полотна! Так, в концерте для двух флейт и фортепиано, особенно в звонкой первой части, рояль звучал совсем иначе, чем в концерте для фортепиано ре-минор.

Поражала неуклонность, с которой воспроизводился рост музыкальной мысли, целостность этого процесса. В рихтеровской интерпретации на первый план вышли такие свойства музыки Баха, как ее философичность, углубленность, созерцательность, лиричность. При этом — полное отсутствие какой-либо аффектации или даже намек на нее. Порой артист словно бы говорил: любуйтесь первозданной красотой музыки, она хороша сама по себе, от рождения, и не надо заниматься ее приукрашиванием. Словами «художественная объективность», пожалуй, точнее всего можно определить это качество его игры.

Любопытно, что когда участник баховского вечера Олег Каган, естественно, находящийся сейчас под определенным воздействием творческих идей Рихтера, попытался прочесть скрипичный концерт ми-мажор примерно в том же ключе (безыскусная простота), он не был абсолютно убедителен: недоставало той невероятной степени внутренней концентрации, саморастворения в музыке, которая безоговорочно покоряет в рихтеровском исполнительстве.

В числе сильнейших моментов баховского вечера назову изумившее своей возвышенностью прочтение медленной части Концерта ре-минор и феерическое исполнение развернутой каденции рояля в первой части Пятого

Бранденбургского концерта.

Очень чутко, в полном согласии с замыслами Рихтера, отточенно по штрихам играл Камерный ансамбль, с хорошей стороны показали себя флейтисты М. Ворожцова и К. Михайлов — одаренные молодые музыканты.

Не много найдется артистов, которые позволили бы себе смелость посвятить целый вечер творчеству Пауля Хиндемита — крупнейшего немецкого композитора XX века, о некоторых вещах которого И. Стравинский с присущей ему едкостью говорил, что они «столь же сухи и неперевадимы, как картон, и столь же малопитательны».

Рихтер, в деятельности которого издавна сильны мотивы просветительства, в содружестве с О. Каганом в нынешний приезд дважды исполнил все четыре хиндемитовские сонаты для скрипки и фортепиано. Здесь мы дивились рихтеровскому универсализму, умению глубоко постигать различные стили, иной в этом концерте эмоциональности, восхищались хваткой, неукротимостью энергии, волевым, дирижерским началом, пронизывающим его искусство. Музыка Хиндемита в исполнении выдающегося мастера и талантливой его молодой коллеги предстала полнокровной, не рассудочной, но интеллектуально насыщенной, конфликтной, вызывающей у аудитории ответный эмоциональный отклик.

Шубертовский концерт-монография был полон удивительных художественных прозрений. Прозвучали (как прозвучали!) две сонаты — ми-мажор и капитальнейшая соль-мажор, а также серия миниатюр (скерцо, четыре лендлера, аллегretto, пьеса ля-мажор). От слушателя требовалась максимальная мобилизация внимания, но за это своего рода самоотречение он вознаграждался сполна. Какое великолепное соотношение непринужденности и классической ясности, как замечательно распределено музыкальное время! Сколь логически точны эпизоды, когда развитие музыки представлено как бы ей самой, сменяются разделами, когда воля интерпретатора проявляется с особенной силой.

Вспомнились слова профессора Г. Нейгауза — учителя Рихтера: «Его редчайшее умение охватить целое и одновременно воспроизвести малейшую деталь произведения внушает сравнение с «орлиным глазом»... — с огромной высоты видны безграничные просторы и одновременно видна малейшая мелочь».

Рижские концерты С. Рихтера стали ярчайшим событием нашей музыкальной жизни. Они вошли в жизнь многих сотен людей, явились не только источником огромного по воздействию эстетического наслаждения, но и заставили вновь и вновь размышлять о назначении музыки, об ее этических основах, о тенденциях современного интерпретаторского искусства. Отзвук этих концертов мы будем чувствовать еще длительное время.

Р. ХАРАДЖАНИН,
кандидат искусствоведения.